

СВЕТЛАЯ ДУША

Случилось это в одном селе. Тогда, оно называлось «Тёмное». Чуть позже его назвали по-другому, но об этом потом. А пока речь пойдет об одной маленькой девочке, что явилась на свет в этом же селе в одном из домов.

Как явилась, так отец ее и возненавидел. Дело в том, что он и жена его нерусские по крови были, цыгане, чернявые и зеленоглазые. И кожа смуглая у них была. А у девчонки, что родилась у жены его и глаза голубые, словно небо, и кожа, словно снег, и волосишки, что на голове курчавились, беленькие были. В общем, чисто не его дочь, не цыганская.

У них, у цыган обычай таков был: жена изменила, значит не человек. Убить надо. Так он и сделал. Сначала от жены избавился, потом от ребенка хотел. Но девчонка распахнула свои глазища голубишные, да так на него посмотрела, что не смог он такого сотворить.

Тогда взял мужик девчонку на руки, полный отвращения, и отнёс её в лес дремучий, чтобы сама там и умерла. Тогда мимо проходил дровосек из того же села. Сжалился он над ребенком, и себе взял. Хоть у самого полный дом голодных ртов был, а сердце-то жалостливое. Не смог малышку в лесу бросить.

Покрестил, нарек Машенькой и дочерью своей оставил.

С тех самых пор десять лет прошло. Выросла Машутка и красавицей такой стала, что ни в сказке сказать, как говорится. Черты мягкие, кожа белая, глаза прозрачные и большие. Отец ее никак налюбоваться на красоту дочернюю не мог. Хоть и неродная она ему была, а он пуще родных детей любил.

А вот в селе, несмотря на красу несказанную, девчоночки сторонились. Слишком уж на русских непохожа была. Русская девочка какая: сильная, крепкая, высокая. А эта тонка как тростинка, мелкая и хрупкая, как

хрусталинка. Поговаривали, дескать, ведьма, мужика околдовала, и их околдовать хочет.

Под отцовской заботой Машенька стала добрая и нежная и даже чужацкий гнет не смог сломить детской доброты. Ни слова ласкового от других не услышит, а помочь тянется. Один скажет: "Проваливай, дочь дьявольская!", а она в ответ промолчит, но поможет: то снег расчищать перед домом примется, то грядки дочиста выполет.

Мало-помалу к девочке привыкли, и стали ее помощь как должное принимать. И спасибо не скажут, а крикнут: "Машка, чего это у меня скот не кормлен?". И Машутка тут как тут. Только собак накормит, как из соседнего двора слышит: "Машка, у меня двор не подметен!". И носится она как белочка туда-сюда. Благо, село маленькое было, за целый день у всех она управлялась.

Было у Машутки и братьев-сестер сводных множество, и все ее не хуже отца любили, во всем помочь старались, а девчоночка все отмахивалась, мол, отдыхайте, я сама все сделаю. Так и росла Маша на удивление остальным. Руки ее от работы не грубели, лицо на солнце не загорало, и силы не иссякали совсем. От того люди ее еще больше не любили, слишком уж ведьму напоминала им она.

– Не иначе, как сам дьявол ей силы даёт! – говорил толстый пекарь по вечерам, собираясь с друзьями в кабаке.

– Не иначе, не иначе, – кивал кузнец, – Сама крещёная, а крестика не носит. И не молится наверняка, ведьма!

Остальные поддакивали только, и начинали рассказывать кто что. И что видели, как Машутка ритуалы какие проводит, и с водяным разговаривает, и с самими чертями дружбу водит. И такое это вранье было, что удивительно, как такие люди могли себя христианами называть, ежели в Библии игнорировали слова об обмане.

А Машка почему крестик не носила: возьмет она в руки его, в руках цепочка вроде тонкая и теплая. И распятие на ней легкое. А на шею наденет, так будто петлю нацепили ледяную, и распятие сразу будто тонну весит. И покреститься порой не может, руку словно держит что-то. Долго девочка не могла понять, в чем дело, а потом как-то в Библии прочла, что дети за грехи

родительские отвечают. И решила, что какой-то грех родного отца или матери мешает ей общению с Боженькой.

Тогда стала она пуще прежнего Заповеди соблюдать, еще сильнее пытаться помогать. И ежели сама она не могла молиться, то Ванюшу просила. Не знала Машутка, что дело не в отцовском грехе, а в том, что тот священник, что должен был покрестить ее, не покрестил, а проклял, как ведьму. И это проклятье не давало Машеньке с Боженькой общаться, оно сдерживало ее от знамения крестного и молитвы.

Но от одного священник не смог отстранить малышку. Псалмы. Они заменяли Машуте и молитвы, и знамения крестные. Голос у нее был чистый и звонкий, будто ангельский. И им она прославляла Боженьку куда искреннее, чем любой священник с его лицемерными молитвами.

Прошло еще десять лет. Машута выросла, окрепла и окончательно превратилась в красавицу.

Однажды проезжал мимо того села молодец, сын некоего богача, прозванный Андреем. Увидал Андрей Машуту и...

Сердце его подпрыгнуло. Машенька даже в запачканном старом платье и с тяжелыми ведрами на плечах показалась ему самым прекрасным, что он когда-либо видел.

Попытался Андрей красавице помощь предложить, а та, словно бы смутилась и так быстро исчезла, что тот и сказать-то ничего не успел.

Тогда решил он у других пораспрашивать о девушке. Темновцы в нем богача не признали, за своего приняли и давай хохотать над ним:

– Видать, приворожила тебя ведьма, – говорил кузнец, по-дружески хлопая Андрея по плечу. – Как есть приворожила!

И рассказал о «ведьме» все, что от других слышал. В тот момент как раз Маша мимо шла с пустыми ведрами. Андрей увидал, что девчонка все слышит, а ничего не отвечает. Прошла мимо них, поклонилась, и дальше пошла, словно это не её сейчас оскорбляли последними словами.

Не заметил юноша на ней крестика, сколько не смотрел, а душа все говорила, мол, врет кузнец, хорошая девушка на самом деле.

– Приворожила не приворожила, – перебил он самозабвенно приписывающего все грехи смертные красавице, – а жить без нее не могу!

И, не сказав более ни слова, помчался вслед за Машутой.

Повенчались Андрей с Машутой в том самом селе, в Христорождественской церкви.

И случилось в тот день необыкновенное... Священник, что венчал их, благословил Машу совершенно искренне. Это и свергло проклятие, наложенное на нее в далеком детстве.

Тогда вся Маша святость, все её угодные Богу дела, коих великое множество было, вылились в свет. Так она засветилась ярко, что, говорят, само солнце затмила.

С тех самых пор и переименовали название села. И по сей день оно зовётся Светлым.